

И. В. ПЧЕЛОВОДОВА (Ижевск)

НАЗВАНИЯ УДМУРТСКИХ АЭРОФОНОВ (АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ)*

Abstract. Names of Udmurt Aerophones: the Analysis of Linguistic Data

The article analyzes the terms used to denote Udmurt aerophones in different local traditions. An etymological analysis of the names of musical instruments demonstrates that some of them are Permic in origin (as a rule, in the Northern Udmurt tradition) while the rest derive from Turkic languages (in the tradition of southern Udmurts, including the speakers of peripheral dialects, and of the Besermyans).

Keywords: Udmurt language, terminology, etymology, local tradition, musical instruments.

Традиционные музыкальные инструменты как часть огромного культурного наследия народа всегда представляли интерес для исследователей разных направлений. Этноинструментоведение — относительно молодая область науки, сформировавшаяся в рамках этномузыковедения. Цели, поставленные перед ней, призваны решать комплекс вопросов, связанных с традиционным инструментарием: роль в традиционной культуре, бытование, терминология, конструктивные особенности, исполнительские приемы, репертуар, мифологические представления и т. д.

Цель данного исследования — проанализировать названия удмуртских аэрофонов, по возможности раскрыть их этимологию и презентовать карту их распространения в разных локальных традициях удмуртов. В дальнейшем это позволит провести сравнительный анализ выявленных терминов как внутри удмуртской культуры, так и в других (финно-угорской, тюркской, славянской), а также очертить ареал бытования и возможные пути распространения и заимствования музыкальных инструментов.

Основными источниками послужили материалы фольклорно-этнографических экспедиций Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, зафиксированные в 2004—2009 гг. Кроме того, использовались дипломные работы студентов кафедр

* Исследование осуществлено в рамках реализации гранта РФФИ «Предметные реалии удмуртской этнокультуры» (№ 16-34-00026).

ры музыкального и сценического искусства Удмуртского государственного университета за 2011 г. Исходя из специфики опроса, главными информантами оказались мужчины в возрасте 50–70 лет.

Аэрофоны представляют архаичный пласт инструментальной культуры удмуртов. Именно их отличает разнообразие наименований музыкальных инструментов. Так, выделяются четыре основных, имеющих общепермское происхождение: *шулан*, *чипсон*, *пеллян*, *гумы*. Практически все инструменты, обозначаемые этими терминами, флейтовые, возникновение которых относится к началу I тыс. до н. э. (Корепанов 1998 : 10). Изготавливаются они, как правило, из растений (листьев, трав, злаков и бересты, стеблей зонтичных растений, веток деревьев), а также из глины. Все инструменты в настоящее время относятся к сфере детского творчества, хотя в недавнем прошлом некоторые использовались как ритуальные (например, *суй шулан* 'глиняная свистулька'), а также пастухами.

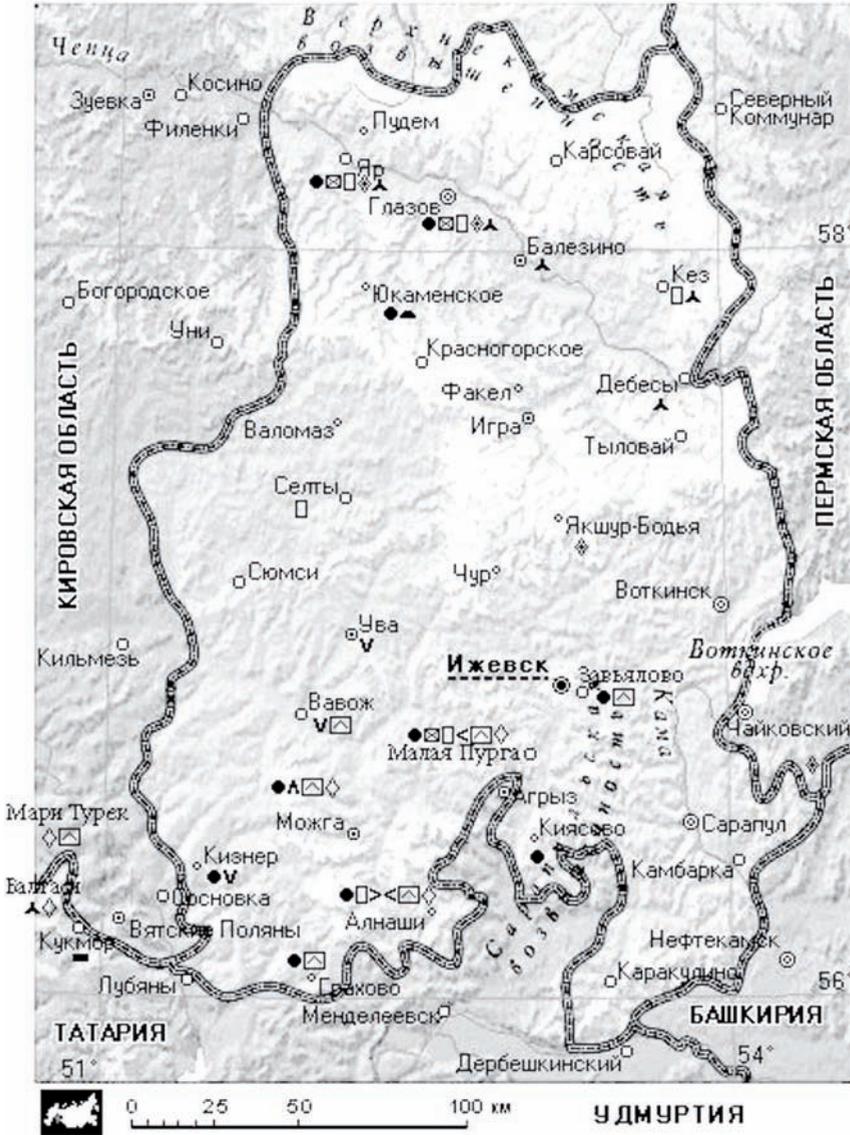
Рассмотрим эти наименования более подробно.

1. Название *ш у л а н* 'дудка, свисток, свистушка, флейта' (Борисов 1991 : 350), 'свистулька' (УРС 1983 : 508), '1. свист, посвистывание; 2. свисток, свистулька' (УРС 2008 : 780) встречается чаще других. Оно происходит от звукоподражательного глагола *шуланы* 'свистеть, свистнуть', который близок коми звукоподражательному глаголу *швичйӧдлыны* 'свистеть'. По экспедиционным материалам и письменным источникам, *шулан* распространено на юге Удмуртии (Алнашский, Граховский, Можгинский, Завьяловский, Киясовском районы), а также встречается в северном регионе Удмуртской Республики (Кезский, Глазовский, Ярский районы).

2. Наряду с *шулан* для обозначения флейтовых инструментов употребляется *ч и п с о н* 'свистулька, свирель' (Борисов 1991 : 321), 'свисток, свистулька, свирель, манок, дудочка, пищик' (УРС 1983 : 475) '1. свист, трель; 2. свисток, свистулька, свирель, манок' (УРС 2008 : 732). Его происхождение связано с общеперм. **čipsan* 'свирель' (КЭСК 306).

Оба термина, в отличие от других, происходят от звукоподражательных глаголов, наряду со свистом описывающих тембро-голосовую характеристику звучания птиц (*чипсын* 'свистеть, разливать трелью, кричать, покричать (о птицах)' (УРС 2008 : 732). Например, *тылобурдоос чирдо, шулало, чипсо* 'птицы поют, посвистывают, разливаются трелью' (Кельмаков 2017 : 73). Видимо, в традиционном сознании удмуртов *шулан* и *чипсон* воспринимаются как тождественные инструменты, так как звук имеет тот же «свистковый» тембр. Схожесть употребления терминов создала условия для возникновения нескольких названий одного инструмента как в разных, так и в одной локальной традиции. Например, свистулька из веток липы/ивы называется как *шулан*, так и *чипсон* — *беризь / бадьпу шулан / чипсон*, хотя *чипсон* более характерно для севера Удмуртии, на юге зафиксировано лишь в одном районе (Малопургинском).

3. Слово *п е л л я н* 'раздувать, нашептывать с целью излечения' (Борисов 1991 : 217), 'дуновение, дутье, раздувание, дудка' (УРС 1983 : 337), '1. дуновение, дутьё; раздувание; 2. уст. лечение нашептыванием (наговором)' (УРС 2008 : 519) происходит от глагола *пелляны* 'дуть'. В коми языке *пӧльтны* также связано с действием, означающим 'дуть,

раздувать, надуть (снегу)', а также производное *пöлян* 'дудка, свирель' (КЭСК 228). В основе — общеперм. **rel'* 'дуть' (КЭСК 228). В данном случае на первое место выходит действие, связанное не со способом звукоизвлечения при игре на музыкальном инструменте (хотя оно подразумевается в контексте), но некое магическое действие, например, в заговорно-заклинательной практике удмуртов. Видимо, эта ситуация (двойное значение слова — 'дуновенье, дутье, раздувание' и 'лече-

ние нашептыванием, наговором', производное от него *пелляськон кыл* 'лечебный заговор') позволила А. Н. Голубковой выдвинуть гипотезу об использовании *пеллян гумы* 'свистулька из полого стебля растения' как обрядового в знахарской практике удмуртов (Голубкова 1992 : 66). Однако подтверждения этой гипотезы пока не обнаружено.

Термин *пеллян* зафиксирован лишь в центральных районах Удмуртии, где живут удмурты-калмезы (Увинский, Вавожский, частично Кизнерский). Он обозначает практически все зафиксированные здесь аэрофоны: *сяла пеллян* 'рябчиковый манок', *беризь пеллян* 'свистулька из веток липы', *пеллян гумы* 'свистулька из дудника' и др.

Все три термина — *шулан*, *чипсон*, *пеллян* — образуются от глаголов с помощью продуктивного словообразовательного суффикса *-(о)н*. 4. В отличие от них *гумы* 'трубка, полый стебель растения, полый предмет' (УРС 1983 : 115) фиксирует внимание на материале, из которого делается свистулька: стебель зонтичного растения (общеперм. **g̃m̃z* 'полый стебель' (КЭСК 82)). Встречаются названия, обозначающие растение, из которого инструмент сделан: *чирсгумы*, *колысгумы* 'борщевик сибирский' (Соколов, Туганаев 1994 : 23), *узьыгумы* 'дягиль лесной, дудник' (Соколов, Туганаев 1994 : 47), *сардагумы* 'снить обыкновенная' (Соколов, Туганаев 1994 : 40). Сюда же можно отнести *чипчирган*, название которого связано с растением, из которого он изготавливается: *чипчирган* 'какалия / недоспелка копьевидная' (Соколов, Туганаев 1994 : 49; УРС 1983 : 475). Однако конструктивные особенности инструмента (натуральная труба) выделяют его из семейства флейтовых.

Термин *гумы* употребляется параллельно с рассмотренными *шулан* / *чипсон* / *пеллян гумы* 'свистулька из полого стебля растения'. Инструменты представляют собой открытые или закрытые одиночные продольные флейты. Отличительной особенностью *пеллян гумы* является наличие продольной прорези-щели за счет расщепления стебля.

Определение *гумы* одинаково распространено как на территории Удмуртии, так и за ее пределами в традиции этнографических групп удмуртов (в частности, у закамских удмуртов Пермского края и Республики Башкортостан).

4. К одному из древних культурных феноменов не только удмуртской традиции, но и всего Урало-Поволжья можно отнести наличие волынки. Обозначая ее как удмуртскую, мы подчеркиваем функционирование на территории Удмуртской Республики (у бесермян), а также за ее пределами у удмуртских диаспор (в частности, красноуфимских удмуртов). В этнографических источниках конца XVIII — начала XX вв. отмечается, что волынка использовалась удмуртами, проживающими в Уфимской провинции, а также в Казанском и Мамадышском уездах (современные Балтасинский и Кукморский районы Республики Татарстан) (Рычков 1770; Риттих 1870).

Сегодня известен один термин, обозначающий волынку: *быз*, бытующий в традиции бесермян (д. Жувам Юкаменского района, совр. с. Укан Ярского района Удмуртской Республики) (Луппов 1911 : 272), и его фонетический вариант *шедэм бьж* 'музыкальный инструмент, похожий на волынку', в культуре красноуфимских удмуртов (Красноуфимский район Свердловской области) (Насибуллин 1978 : 149). Дру-

гих названий волынки (в частности, у периферийно-южных удмуртов) не зафиксировано.

Название *быз* прежде всего наводит на мысль о звукоподражании, так как волынка имеет специфический, только для нее характерный тембр звучания. В основе названия *быз* лежат звукоподражательный глагол *бызгетыны/бозгетыны* 'жужжать, гудеть; визжать; плакать в голос / басом' (УРС 2008 : 92, 73), а также близкие по значению, например, прилагательное *боз-боз*, *бозгес* 'басистый, низкий' (*боз-боз куараез* 'низкий, громкий, басистый голос', *боз-боз вераськыны* 'говорить басом, басить'), существительное *бозгетон* 'жужжание, гудение', наречно-изобразительное *бозор-бозор* (УРС 2008 : 73), обозначающее периодическое жужжание или речь басом. Даже слуховое восприятие слов с основой *боз/быз* как низкого голоса отличает его от *бызгетыны/биздыны* 'плакать тоненьким голосом, хныкать, тихонько плакать' (УРС 2008 : 69).

Все эти значения сводятся к описанию звучания инструмента — громкого, жужжащего, гудящего, резкого. Удм. *бозгетыны/бызгетыны* близко по значению тюркскому подражательному глаголу *buzla-, bozla-* 'реветь; кричать' (о животных) с именной основой *buz* (Севортян 1978 : 239—241). С удмуртским названием волынки *быз* переключается название волынки-пузыря *бызгы* у татар-кряшен Икско-Сюньского бассейна (Макаров 2006 : 95).

Возникает вопрос — с чем связано это звукоподражание? Обратимся к обрядовому использованию удмуртской волынки. В описании одного из этапов свадьбы у бесермян встречается такой фрагмент: «всѣ, кромѣ невѣсты, уходятъ въ домъ ея отца и здѣсь посреди избы складываютъ в грудѹ всѣ предметы свадебнаго наряда невѣсты — подарокъ жениха. Вокругъ этой одежды образуютъ хоръ, который подъ звуки волынки пускается въ плясъ, хлопая въ тактъ музыкѣ ладошами» (выделено нами. — И. П.) (Штейнфельд 1894 : 245). Только после этого невеста надевала свадебный наряд. Кроме того, музыкант сопровождал молодых и поезжан на третий день, когда «всѣ вмѣстѣ отправляются на рѣку или къ проруби, если дѣло происходитъ зимой» (Штейнфельд 1894 : 246), где совершают жертвоприношение Вукузѣ (водяному), чтобы он не наслал болезнь на молодую. Из примеров явствует, что звуковая сторона, связанная с игрой на волынке, выполняет функцию оберега в первую очередь невесты, которая, находясь в переходном состоянии, более всего подвержена воздействию отрицательных сил.

Специфичность тембра звучания волынки *быз* нашла отражение в именовании и других удмуртских традиционных музыкальных инструментов и их деталей. Так, в современной культуре бесермян *куро боз* букв. 'соломенная гуделка' называется свистулька из ржаной соломы (Попова 2005 : 85—86). Понятие *бозо* у завятских удмуртов обозначает нижнюю толстую струну, выполняющую функцию гудящего бурдона (Нуриева 2004 : 14).

Не только звучание инструмента отразилось в названии *быз*, но и его форма — воздушный резервуар в виде мешка из шкуры или кожи животного. При помощи трубки для вдувания воздух поступает в мешок-пузырь и воздушный резервуар надувается, превращаясь в не-

что толстое, упитанное. Об этом свидетельствуют значения слов с основой *боз*: диал. *бозгам* 'чрезмерно жирный (толстый), упитанный' и диал. *бозо* 'толстый, жирный' (УРС 2008 : 73), а также наречно-образительное *быз-быз* 'откормленный досыта' (УРС 2008 : 92). Видимо, это отразилось и в удмуртской вербальной формуле *кӧты быз кадь тордэм* 'живот словно *быз* вздулся/вспучился' (Алнашский район Удмуртской Республики). Как уже отмечено, для воздушного резервуара часто использовали шкуру или кожу теленка, а тюрк. **bıza*, близкое по звучанию к удм. *быз/бъж*, означает 'теленка', т. е. возможно, что в названии отразился и материал, из которого шился мешок.

Тем самым, в названии *быз/бъж* нашли отражение тембр звучания (резкий, гудящий, громкий), конструкция и, возможно, материал воздушного резервуара. При этом первое, т. е. звукоподражание, стало основополагающим для вербального обозначения возникшего позже предмета. Татарский этноинструментовед Г. М. Макаров, рассуждая о термине, отмечает, что это название перешло к удмуртам от татар и является укороченной формой слова *кубыз* (Макаров 2008 : 83). Сегодня *кубыз* в традиционной культуре удмуртов обозначает трехструнный смычковый инструмент, сохранившийся у завятских удмуртов (Балтасинский район Республики Татарстан, Мари-Турекский район Республики Марий Эл). Несомненно одно — бытование и сохранность волынки *быз / шедэм бъж* прослеживается в тех зонах, где происходит наиболее тесное соприкосновение с тюркской и финно-угорской (в частности, марийской, также испытавшей тюркское влияние) традициями. Об этом в свое время писал и коми исследователь П. И. Чисталев, полагая, что появление волынки *быз* является результатом этнокультурных контактов удмуртов с чувашами и марийцами (Чисталев 1980 : 7).

5. Термин *с ю р* 'рог' (общеперм. *šur*) имеет соответствия в других финно-угорских языках, например, коми *сюр*, мар. *шур*, мокш. *сюра*, эрз. *сюро*, фин. *sarvi* и т. д. < и.-е. (КЭСК 274; UEW 486—487). По мнению Г. М. Макарова, термин *сюр* тяготеет к тюркским языкам (2006 : 101). Понятие *сюр* и производные от него наименования обозначают аэрофоны, изготовленные из рога крупных животных, и встречаются в культуре многих народов от Алтайских гор до Валдайской возвышенности (Макаров 2006 : 101).

По экспедиционным материалам, распространение *сюр* в удмуртской традиционной культуре очерчивается югом республики (Алнашский район). Инструмент представляет собой трубу из коровьего рога.

6. Термин *б у р г ы* в настоящее время употребляется лишь в значении 'медная трубка (в самогонном аппарате)' (УРС 2008 : 83). В значении дудки, сделанной из дудника *бургы (бергъ)*, он встречается в кукморском и бавлинском диалектах этнографических групп удмуртов Республики Татарстан (Тараканов 1981 : 56). О «музыкальном» прошлом этого понятия напоминает и *бургетыны* 'протрубить, трубить' (УРС 2008 : 83).

Этимологически слово *бургы* связано с тат. *быргы* 'горн, рожок, труба, дудка' (музыкальный инструмент) (Тараканов 1981 : 56), это обобщенное название разных видов (изогнутых, прямых) натуральных труб, «входящих в традиционный музыкальный инструментарий та-

гар» (Макаров 2006 : 98). До Средневековья он представлял род натуральной трубы, которая изготавливалась из рога крупных животных, вытачивалась из дерева или гнулась из металлической жести, в современной же культуре татар термином *быргы* обозначаются музыкальные инструменты семейства медных духовых (Макаров 2006 : 98). 7. В традиционной культуре удмуртов подобный инструмент, изготовленный из латуни (роль мундштука выполняет деревянная шпилька из-под ниток), современными пастухами именуется русским заимствованием *рожок*, *дудка́* или *тутэктон* 'дудка' (Малопургинский, Алнашский, Можгинский районы). Этимология последнего до сих пор не раскрыта. Посмеем предположить, что слово тюркского происхождения (ср. чув. *тута/тота* 'тубы', тур. *düdük* 'дудка, свисток, свирель'). Объяснение второй части слова *-эктон* казалось бы связывает с аналогичным существительным *эктон* 'танец'. Однако никаких этнографических реалий, подтверждающих использование инструмента для сопровождения танцев, нет. Существует лишь одна экспедиционная запись, сделанная С. Н. Кунгуровым и М. Н. Ходыревой в д. Оркино Алнашского района в 1995 г., зафиксировавшая исполнение на *тутэктон* песенного наигрыша. Необходимо искать иное объяснение этого компонента.

Таким образом, на севере Удмуртии можно констатировать распространение наименований музыкальных инструментов общепермского происхождения. Фиксация аналогичных терминов в южноудмуртских локальных традициях подтверждает факт архаичности как наименований, так и собственно музыкальных инструментов, обозначаемых ими (*чирсгумылэсь шулан / узьыгумы шулан / колысгумылэсь шулан / шулан гумы, узьыгумы, беризь / бадьпу шулан*). На юге республики и за ее пределами в традиции периферийно-южных групп удмуртов (традиции бавлинских, кукморских удмуртов республики Татарстан, красноуфимских удмуртов Свердловской области) в наименовании аэрофонов проглядывает тюркская и позже адаптированная славяно-русская основа. Тюркское влияние заметно и в традиции бесермян, проживающих в северной части Удмуртии, что вполне объяснимо историческим развитием этноса, испытавшим сильное тюркское влияние. Наличие скудной информации по центральной части Удмуртии связано с малой изученностью инструментальной традиции на этой территории.

Address

I. V. Pčelovodova
Udmurt Institute of History, Language and Literature
E-mail: orimush@mail.ru

Сокращения

УРС 1983 — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; УРС 2008 — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008.

и.-е. — индоевропейский; **общеперм.** — общепермский; **тат.** — татарский; **тур.** — турецкий; **тюрк.** — тюркский; **чув.** — чувашский.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов Т. К. 1991, Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь, Ижевск.
- Голубкова А. Н. 1992, Роль музыкальных инструментов и инструментальной музыки в духовной культуре удмуртов. — Вестник Удмуртского университета, № 6, 63—69.
- Кельмаков В. К. 2017, Удмурт кылын гожъяськонысь одиг-ог чырыпырыос ласянь чакламъёс. — Кенеш, № 1, 69—78.
- Корепанов К. И. 1998, Музыкальные инструменты эпохи железа Волго-Камского региона VIII века до н.э. — III века н. э., Уфа.
- Луппов П. Н. 1911, Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века, Вятка.
- Макаров Г. М. 2006, Традиционные духовые музыкальные инструменты татар Волго-Камья (Проблемы генезиса и исторической реконструкции), Казань.
- — 2008, О формировании музыкально-инструментальной культуры финно-угров Волго-Камья в древности (по материалам народной терминологии). — Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений, Саранск, 71—89.
- Насибуллин Р. Ш. 1978, Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. — О диалектах и говорах южноудмуртского наречия, Ижевск, 86—151.
- Нуриева И. М. 2004, Песни завятских удмуртов, вып. II, Ижевск (Удмуртский фольклор).
- Попова Е. В. 2005, Игрушки из растений в детской игровой культуре удмуртов и бесермян. — Традиционная культура, № 3, 85—93.
- Риттих А. Ф. 1870, Казанская губерния 1—2, Казань (Материалы для этнографии России XIV).
- Рычков Н. П. 1770, Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году, Санкт-Петербург.
- Севортян Э. В. 1978, Этимологический словарь тюркских языков, Москва.
- Соколов С. В., Туганаев В. В. 1994, Биологической нимкылъёсын кылбугор. Словарь биологических терминов, Ижевск.
- Тараканов И. В. 1981, Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Учебное пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений, Ижевск.
- Чисталев П. И. 1980, Музыкальные инструменты пермских народов, Сыктывкар (Научные доклады. Серия препринтов, вып. 61).
- Штейнфельд Н. П. 1894, Бесермяне. Опыт этнографического исследования. — Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г, Вятка, 220—259.